Евгений Долматовский

Сов. культура. – 1991. – 22 июня. – С. 8

САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ В ГОДУ...

Накануне летнего равноденствия была в Ленинграде волшебная белая ночь.

Я приехал по вызову «Ленфильма» сочинять песни для лирической комедии в соавторстве с еще не знаменитым, но уже известным композитором Василием Соловьевым-Седым. Мы были твердо уверены, что к утру он удивит мир, изобретет чудесную мелодию к моим стихам о юности, выходящей в жизнь на рассвете. Только вчера в газете появилось мое стихотворение из фильма «Истребители», но Седому оно показалось слишком наивным, мы сегодня придумаем новое, в сто раз лучше!

В полночь вышла на Невский компания друзей — ее возглавила Людмила Целиковская — еще не народная, не заслуженная, но уже дважды сыгравшая молодых героинь. Встречные — все больше школьники, вышедшие проститься со школой, им казалось — с юностью, оглядывались, узнавали ее или в ней узнавали себя. Улыбались.

Был с нами поэт Михаил Светлов, как и я, приглашенный «Ленфильмом» для работы с Соловьевым-Седым. Тот самый Светлов, автор «Гренады». «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» — сегодня можно услышать эти строки, когда над ними подтрунивают циничные публицисты. Михаил Светлов, автор «Каховки» — «мы мирные люди, но наш бронепоезд» — вот уж в охотку поиздеваются теперь над той песней, процитируют ее в названии горького фильма о недобрых временах.

Торжественная была ночь. Ленинградцы, казалось, не шли, будто плыли или пролетали мимо нас. Никто той белой ночью не спал, и млад, и стар были на площадях, на проспектах, набережных. Нам казалось, что мы участвуем во встрече счастливых людей.

То тут, то там вспыхивали, проплывали песни. Тогда на улицах белых ночей пели... Белые ночи трепещут и ныне, через полвека, но песен что-то не слышно. Таких, чтобы на улицах пели юные, положив руки друзьям на плечи.

Мы, сочинители песен, не пели на улице, наверное, не умели. Но чтение стихов, шаг под стихи — было любимым занятием. Стихи придавали темп и ритм нашему шагу да вообще нашей жизни.

Конечно, это был Маяковский: — Кто там шагает правой? Левой! Левой! Левой!

Конечно, нам установил дыхание Пастернак:

Я не рожден,
чтоб три раза
Смотреть по-разному
в глаза.

И еще мы повторяли наизусть нигде не опубликованные, родные, запретные строки Мандельштама:

Петербург! я еще не хочу
умирать:
У тебя телефонов моих
номера.

Ироничный, добрый, прочно забытый теперь, Михаил Светлов... На следующее утро он с грустной улыбкой скажет мне: «Теперь ясно, как проводить лето». Мы тогда бросились на Московский вокзал, купили у несостоявшихся отпускников билеты, втиснулись в поезд, чтобы утром в Наркомате обороны на Гоголевском бульваре встретиться с товарищами. Все явились без повесток. Кто там был? Уже объявили себя добровольцами Аркадий Гайдар, Константин Симонов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Борис Пастернак, Николай Тихонов, Константин Паустовский, Павел Антокольский, Илья Сельвинский, Иосиф Уткин, Михаил Исаковский, Валентин Катаев, Евгений Петров.

Не прошли по возрасту Пастернак, Паустовский, Исаковский, Валенин Катаев. Другие, правдой или неправдой, все же стали в строй, проникли если не в военные, то в центральные газеты.

Непросто складывались наши судьбы. Светлова долго держали в резерве, не пускали на фронт. Лишь в сорок третьем году под Гомелем я узнал, что преграждало его военную дорогу. Оказывается, в «личном листе по учету кадров» на вопрос «Примыкал ли к уклонам?» он собственноручно ответил, сумасшедший: «Сочувствовал троцкизму».

Тогда, под Гомелем, я, ошарашенный, спросил Михаила: зачем ты такое на себя написал?—а он улыбнулся: поэт всегда должен говорить правду!

Но ведь мы еще тогда, белой ночью в Ленинграде, скандировали, как лозунг и клятву, — «я не рожден, чтоб три раза смотреть по-разному в глаза»... Так что мы были и остались такими, как в той атмосфере советской поэзии, как бы ни зачеркивали ее дух и смысл молодые зоилы, родившиеся много позже.

Немецкие оружейники уже подвешивали бомбы в люки своих самолетов, выкатившие на взлетные полосы, а в золотом пространстве ленинградской белой ночи двигались счастливые люди, положив друг другу руки на плечи...

В самую короткую ночь в году правильно ли я такими ощущал их тогда и вспоминаю такими сегодня? Трудно разгадать невероятное противоречие эпохи, в которую вписалась наша жизнь, в четверть века между двумя мировыми войнами.

Столкновение добра и зла, единоборство несчастья и веры в будущее. Мы боготворили страну, а в ней правила непостижимая жестокость, беспощадно направленная против своих детей, против нас, против ее строителей, патриотов, энтузиастов, мечтателей. Объяснить и постичь не могу и сегодня, странное чувство — не страха, а скорей тревоги — как бы не сумеешь, не успеешь отдать себя будущему, осуществить мечты и высокие помыслы.

Влюбленность может быть и ослеплена, но осуждать ли ее за это? «И как один умрем в борьбе за это»...

Нет, мы не были смертниками, но Советская Родина стала нам превыше всего.

Потому так легко перешагнули мы рубеж солнцестояния летом 1941 года, не испытывая никаких сомнений. И шутливое светловское — как проводить лето, без громких фраз было и решением — идем защищать Родину, с нами будет то, что будет со всеми.

Думаю, что победа над фашизмом была запрограммирована в душах ее прямолинейных сыновей. «Наше дело правое» — остается высшей и неизменной формулой нашего народа в двадцатом веке.

На четвертый или пятый день войны я уже был в войсках, с боями откатывающих от западной границы. Потом был обычный общий путь, извилистый и тяжкий. Но зарядка той самой короткой ночи в году действовала, и хватило до мая сорок пятого, до самого Берлина...

А дальше — на долгие и тоже нелегкие десятилетия хватило убежденности и веры в Советскую страну и в советский народ.

Я вспоминаю ту прозрачную ленинградскую ночь, ту поющую молодежь на проспектах и берегах Невы. Все-таки Советская страна без малого за четверть века создала поколения, сумевшие защитить свою Родину.

История всей жизни Советской страны, включая и годы Великой Отечественной войны, подвергается ныне всеобщему пересмотру.

Уроки и полезны, и важны, однако надо помнить, что было то, что было, и так, как было. Читаешь бойкие писания иных новоявленных историков и стратегов и удивляешься — с какой легкостью они задним числом изрекают свои программы и побед, и поражений. Вот как один заслуженный деятель предлагает свой план берлинской операции: «А ведь город достаточно было взять в кольцо, и он сдался бы. Причем именно советским войскам».

Как легко сегодня побеждать и как просто получать поражения на полях перетасованных документов!

А ведь город был взят в кольцо, но очевидцы помнят, что противник отчаянно сопротивлялся и не сдавался.

Проблемы стратегии и тактики можно доверить для изучения ученым и специалистам. Но есть и проблема народного подвига, личного гражданского поведения. В этой области развязно упражняются и невежды, силящиеся принизить дорогие народу образы. Пошлые анекдоты про Чапаева — предшественники нынешних сплетен и наветов на героев и события Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная — святая страница в истории народа.

Вспоминаю товарищей, встреченных в тот первый день войны. Аркадий Гайдар, белобилетник «по чистой», погибший в партизанском отряде... Иосиф Уткин, потерявший руку, но добившийся вновь зачисления в армию, и сгоревший в боевом самолете... Евгений Петров — его постигла такая же участь.

А еще прибежал утром ко мне за помощью — как попасть на фронт — юный стихотворец Всеволод Багрицкий. Это ему писал как завещание отец — Эдуард Багрицкий: «вставай же, Всеволод и всем володай». Его мать томилась в заключении, его не брали в армию, да и возраста не хватило для призыва, но он все же тогда добился своего, встал в строй и пал смертью храбрых в «Мясном бору», в страшном побоище...

Михаил Светлов все же прорвался в танковую бригаду и шел на танке на штурм Берлина, который так легко готов «взять в кольцо» сегодня новоявленный стратег...

Самая короткая ночь в году предшествовала самому длинному трагическому дню, растянувшемуся на почти четыре года спасения Родины.

Мы выстрадали свой День Победы.

А последний День Мира и через полвека живет в нашей памяти в светлом сиянии белой ночи. Конечно, надо вписать в календарь Истории дату начала войны и назвать ее Днем Памяти.